

16 января 1942 года Евгения Павлова направляют на курсы слесарей по ремонту паровозов при паровозном депо Курского вокзала. По их окончании Евгений работал там же в бригаде дышловиков. Бригада состояла из 4-х человек. Работа была тяжелая, так как все детали были металлические. Дышло нужно было разобрать, вынуть из него баббитовые подшипники, наварить бронзовый корпус подшипника, залить внутрь подшипника баббит, профрезеровать как внешние габариты, так и внутреннюю часть подшипника до посадочных размеров на кривошип. После этого бригада собирала дышло и отправляла его на сборный пункт, где восстанавливали паровозы и после сборки сдавали эксплуатационникам. Работа хоть и тяжелая, но работать необходимо было – за нее давали рабочую карточку на продовольствие.

Общий вид паровозного депо Курского вокзала

Евгений Андреевич Павлов. 1942г.

Работа Евгения, единственного оставшегося при доме сына, самого младшего, в некоторой степени помогала семье в борьбе за выживание, ведь по рабочей карточке продуктов можно было получать больше. Екатерина Михайловна тоже не сидела без дела: нашла оптового продавца иголок, скупала их тысячами, нанизывала на тряпочку и ходила продавать на Спасский и Рогожский рынки. Выручка была небольшая, но на покупку буханки хлеба и небольшого количества картошки хватало. Эта торговля

помогла выжить в трудные военные годы. Андрей Меркулович в это время продолжал работать в прачечной.

С курсов младших командиров Александра Павлова направили на станцию Куйбышевка-Восточная, где дислоцировался 196 МСВ 2 КА ДВФ (196 мотострелковый взвод 2 Краснознаменной армии Дальневосточного фронта), командиром которого он был назначен.

Александр разместился в выделенном ему помещении в казарме. Получил карточки на хлеб и сахар. Хлеб покупал ежедневно 800 г, а сахара не было уже два месяца и когда привезут – неизвестно. Оклад Александру дали командирский – 625 рублей, да ещё надбавка 62 рубля за отдалённость, и ещё за что-то 40 рублей. После вычетов военного налога (100 руб.) и на питание на руках оставалось рублей 300. Домой сообщил, чтобы теперь никаких денег не присылали, а он будет отсылать весь свой излишек денежных средств. В начале марта Александр совершил денежный перевод домой в размере 1000 рублей, а через месяц – ещё 300. В последующем переводы стали регулярными.

Теперь, как командиру взвода, Александру приходилось отвечать за всё его хозяйство: содержание казармы, отопление, кухню, питание, несение бойцами службы и др. Временами начальство направляло двух бойцов взвода, хорошо знающих тайгу, охотиться на коз. Они обеспечивали начальство козьим мясом месяца на два.

Едва Александр укомплектовал свой взвод, как его, как холостого, 25 января 1942 года перевели на другое место службы, на станцию Томичи, на ту же должность командира взвода. Александр был назначен командиром 176 МСВ 2 КА ДВФ (176 мотострелковый взвод 2 Краснознаменной армии Дальневосточного фронта). На его место поставили женатого офицера, жившего рядом с казармой. На новом месте обстановка показалась Александру более живой и кипучей, чем в «патриархальной» Куйбышевке.

В Томичах Александр жил в одном доме с воентехниками. Основную часть времени проводил в расположении подразделения. С первых дней Александр столкнулся с тем, что ряд красноармейцев его взвода регулярно нарушают дисциплину. За ненадлежащую дисциплину во взводе Александр даже получил выговор от начальника склада, где находился взвод. В своем взводе он был самый молодой и ему приходилось командовать солдатами, которые были чуть ли не вдвое старше него. Но их всё равно нужно было приучать к выполнению всех воинских уставов и приказов. Пришлось очень плотно заняться этим вопросом, проводя целый день в казарме, даже приходилось ночевать в ней. Очень переживал он о том, что в работе с бойцами приходилось применять меры взыскания, но это было необходимо для поднятия и поддержания воинской дисциплины. Через неделю после назначения Александр уже настолько освоился, что его назначили дежурным по части. Дежурным по части он заступал впервые.

11 февраля 1942 года Александр впервые со своим взводом ходил на стрельбище. Красноармейцы стреляли неплохо, Александр остался доволен,

правда можно было бы отстрелять гораздо лучше. Но на первый раз сойдёт.

При прибытии в Томичи Александр сначала питался в красноармейской столовой, но с 15 февраля средних командиров снимают с этого довольствия. Пришлось выписать на складе 10 кг картофеля, 3 кг муки, 1 кг свинины и 2 кг говядины. Эти продукты были отданы поварам части, и они что-нибудь готовили. Можно было ходить в полковую столовую, но там было неудобно питаться: во-первых, она далеко от квартиры, во-вторых, завтрак, обед и ужин производился в установленное время, чуть опоздаешь и не поешь. Завтрак в 7 часов, а каждый день в это время необходимо присутствовать на подъеме во взводе.

Получая дармовой табак «Дюбек» Александр пробовал научиться курить, но из этого ничего не вышло, и он стал отдавать его друзьям. Когда кто-то из офицеров спросил: «Ты что же, бесплатно отдаешь свой табак?» Александр ответил «Да!». Заниматься коммерцией и продавать табак сослуживцам он считал оскорбительным для офицера.

В свободное время Александр старался посещать кино. К годовщине РККА готовили пьесы, оформляли казармы, наводили в них порядок. 22 февраля устроили в казармах культурный досуг: играли в шахматы, шашки, домино, заводили патефон, пели песни. Вечером в клубе состоялось торжественное собрание, после которого красноармейцы сыграли три пьесы. На следующий день, 23 февраля, в клубе показали фильм «Дубровский», после фильма – танцы. Обед и завтрак в этот день тоже отличался от будничных: на завтрак сделали два блюда, а на обед дали на человека по 150 г мяса, вместо положенных 75 г. Правда, это мясо было не в качестве дополнительной нормы, а урезывалось из других дней. Средних командиров снова поставили на довольствие в красноармейской столовой, что значительно облегчило их жизнь. Здесь, в Томичах, Александр сильно поправился и не узнавал себя в зеркале.

В феврале Александру пришли известия о болезни папы Андрея Меркуловича. «Мне, конечно, очень трудно переносить такие безрадостные вести и очень и очень сожалею, что никакие попытки не дают мне возможность попасть домой». «Очень сожалею, что он заболел в такое тяжелое время, но надеюсь, что он поборет свою болезнь, и вновь станет здоровым и работоспособным... Я прекрасно понимаю, как вы переживаете это тяжёлое положение семьи... Папа не так стар. Он ведь ровесник товарищу Сталину. А товарищ Сталин прошел тоже труднейшую жизнь, и в наше время он бодр и работоспособен...».

Александр морально поддерживает семью, уверяя, что сейчас ей необходимо жить дружнее и бодрее. Особое переживание за маленьких племянников «Риточку и Валечку» Лаврёновых: «Нужно создавать возможно лучшие условия для воспитания Риточки и Валечки... Вы пришлите мне их фотографии, а то со времени моего отсутствия они выросли в два раза и должны быть очень интересны. Нужно делать так, чтобы печать сурового военного времени как можно меньше отражалась на их настроении. Пусть они всё время будут весёлыми, жизнерадостными, бодрыми, шаловливыми

детьми».

В конце февраля Александр жил на частной квартире (Амурская ж.д., ст. Шимановская, ул. Партизанская, д. 10), занимая комнату метров в десять. Хозяйка квартиры – 30-летняя женщина с тремя детьми. Но в начале марта эту квартиру попросили освободить, она понадобилась приехавшему с семьёй старшему политруку, и Александр вновь переселился в казармы.

3 марта Александр дежурил по складам. Дежурить было не так уж плохо, но только не высыпаться в эти дни. Охраняли два объекта, находящиеся в разных концах Томичей. От одного объекта до другого больше 30 минут хода. А ночью ходить на объекты особенно необходимо.

Уже в марте красноармейцы начали готовиться к первомайским праздникам, и Александр принял участие в репетициях роли в пьесе «Падь серебряная» Н.Ф.Погодина. «У нас здесь пока что мирно. А южнее – в Китае и на островах Тихого океана кипят такие же жаркие бои, как и в полях Подмосковья... Никто, конечно, не может дать гарантии, что этот пожар языками своего пламени не коснётся Советского Союза. В таком случае, нам здесь тоже придётся показать силу советского оружия...».

Александр в это время отмечает, что в нём уже выработались определённые черты советского командира: требовательность, точность, строгость. Как хозяин же он чувствовал себя ещё не достаточно твёрдо. В конце марта Александр сдал своих красноармейцев в новую воинскую часть и получил новое пополнение.

В апреле 1942 года Александр Павлов получил разрешение начальника поехать в город Куйбышевка-Восточная сфотографироваться. Фотографии обещали изготовить через месяц. «Получил первые 6 фотокарточек. Вышел хорошо, лучше Наполеона. Даже самому нравятся».

Эти фотографии Александр отправил домой. Одновременно, он попросил брата Женю выслать ему свои фотографии. Фотографии же своих друзей-одноклассников просил не высылать, а беречь их, так как он ими очень дорожит, «...если мне ещё придётся побывать дома, то я их возьму» - пишет он брату Жене. «Как вообще там в Москве дела, а то я до фильма «Разгром немецких войск под Москвой» не представлял себе, какая она есть на самом деле».

*Александр Андреевич Павлов.
Куйбышевка-Восточная.
5 апреля 1942*

Александр Андреевич Павлов – командир отдельного взвода № 196 местных стрелковых войск 2-й Краснознаменной армии Дальневосточного фронта. Надпись на обороте: «На память брату Евгению от Александра. Город Куйбышевка-Восточная. 5 апреля 1942. Воскресенье».

В эти дни в Куйбышевке состоялся джазовый концерт под управлением И.О.Дунаевского и один знакомый красноармеец достал Александру билет на этот концерт.

С начала апреля Александр начал работать в должности младшего воентехника, соприкасался с радиоаппаратурой и намеревался овладеть ею.

В середине апреля был проведён военный заём. Александр приветствовал эти акции всем сердцем. Подписался на 1000 рублей. «Ни один заём при моей жизни не проходил так быстро и организовано и не пользовался такой популярностью. Подписка окончилась уже через три часа после митинга. Подписались поголовно все. Мы вчетвером – работники отдела хранения – подписались всего на 3025 рублей! А мой начальник заявил: «Если бы мне сказали, что через 6 месяцев фашизм будет уничтожен, только нужно, чтобы каждый отдал 50% своего заработка – отдал бы 60%». А он человек семейный». Тогда же он выслал сестре Анне 300 рублей. Дети у неё хоть и постарше, чем у Шуры, но их трое и они пока не могут работать. Со следующей полочки Александр отправил денег Шуре. «Я, как прежде, такой же дерзкий, сорванец, люблю поспорить. Пospорил бы и с вами, как раньше. В общем от этого пока не отучился, и кажется это моя органическая необходимость, которая позволяет разобраться во многих жизненных вопросах».

К маю 1942 года Александр решил вступать в партию. Записался в кружок по подготовке в кандидаты в члены ВКП(б). Проблема была в рекомендациях. Рекомендуемые должны были знать кандидата по совместной работе больше года, а Александр на новом месте прослужил всего 4 месяца.

Примерно в это время в его части случился следующий случай: Александр послал своего старшину на продуктовый склад за хлебом. На обратной дороге на обоз напали бандиты и весь хлеб унесли, но сержанта не убили. Вернувшись в распоряжение части, он доложил своему командиру о произошедшем случае. Дело было серьезное, грозило трибуналом этому сержанту, которого Александр хорошо знал и порядочности которого был уверен. Александр Андреевич сказал: “Ты никому не говори, собирай деньги, покупай хлеб и передавай его на склад”, при этом отдал все свои деньги. Через несколько дней в часть приехал особист, вызвал Александра и спросил,

что это за история с пропажей хлеба? Александр ответил, что ничего не пропадало, весь хлеб доставлен и солдаты накормлены. Опросы солдат тоже результата не дали – хлеб всегда был. Но, тем не менее, этот вопрос рассматривался на комсомольском собрании. Бумаги по этому делу, видимо, попала в личное дело, и долгое время сопровождала Александра, всплывая в самые неподходящие моменты. По этой причине заявление Александра о вступлении в партию отклонили, и в дальнейшем он в письмах домой никогда не упоминал о попытках вступления в партию.

С середины мая работы прибавилось. Помимо основной работы Александру пришлось вести женский взвод всеобща (50 человек). Занятия проводились через день по вечерам 1-2 часа, а по воскресеньям – по 3 часа. Женщины ходили на занятия очень охотно и к занятиям проявляли большой интерес. Некоторые ни разу в жизни не видели винтовку, а теперь научились хорошо заряжать и разряжать винтовку. Александр помогал им оформлять стенгазету «Подруги».

В конце мая Александр получил письмо от мамы, в которой она крепко ругает его за то, что он выслал деньги сестре Анне, божится больше не писать писем сыну, который против матери. Александр оторопел, он не ждал такой глупой развязки, не предвидел подобных последствий. «Мне представляется ясная картина того, как по моему адресу обрушиваются брани и проклинания». Оказывается внутрисемейная ссора между родителями и старшими детьми, тлеющая годами, не дороже 300 рублей. Александр в ответ брату Жене пишет, что не собирается раскаиваться в своих поступках, и письма теперь будет отправлять только ему, отцу и Шуре. Помогать же деньгами будет, как и раньше. После этого случая с матерью Александр не переписывался до августа 1942 года: «...Живу в Томичах всё время спокойно. Очень конечно желаю, что бы и вы жили точно так. Но мне тяжело и неохота думать, когда в семье, находящейся за много тысяч километров, существуют натянутые отношения. Сами должны понимать, что когда в семье постоянные ссоры и скандалы – противно жить в такой семье. И как счастливы дни, когда в семье все радостны и довольны друг другом. У нас были такие дни – и по их образцу нужно налаживать жизнь».

Война войной, а жизнь в Москве шла своим чередом. Как-то раз дед Федор Почтарев предложил внучку Натолию (Анатолию) поехать на трамвае № 2 в Измайловский лес за грибами. Поездку все откладывали, а потом Анатолий решил вовсе отказаться от неё. Обмотал ногу половиком. Приходит дед и спрашивает «Ну, что, Натолий? Когда поедем за грибами?». «Не могу. Видишь нога завязана, заболела», - ответил Анатолий. «Да..., ну ладно. Ничего не поделаешь...». А потом дед видел, как Анатолий носится по двору с другими мальчишками, играет в футбол.

Летом 1942 года Анатолий Почтарёв (ему 14 лет) собрался работать на заводе, нужны были деньги и рабочие карточки, но дедушка Андрей запретил даже думать об этом. «Учись, внучок. Как-нибудь переживём. Мама и бабушка приторговывают, будете сыты».

В конце июня Александр получил письмо от сестры Шуры, в котором она жалуется, что не получила его фотографий. Александр объяснил ей, что отправил по три фотографии ей, Жене и Нюре (Анне), каждую своим заказным письмом, всего девять писем по одному каждый день. Отправлять все фотографии вместе или хотя бы по две, или два письма в день по одному адресу Александр посчитал опасным, учитывая, что не все письма доходят. Почему ей не дошли его фотографии – не знает. Если кто не получил его фотографии, он вышлет ещё. Тут, как нарочно, он получил письмо от неизвестной девушки из Москвы, которая работает на почтовом отделении. Оказывается, одно такое заказное письмо прошло через её руки, и она решила посмотреть на фотографию и написала ему письмо, какие часто пишут девушки на фронт совершенно неизвестным бойцам и командирам. Она не сообщила, задержала ли она это письмо и фотокарточку, или письмо с фотокарточкой дошло по назначению. Александр тоже написал ей письмо и просил дать ответ на эти свои вопросы. В дальнейшем переписка с незнакомкой не возобновлялась.

В июле 1942 года Александр Павлов пишет брату Жене: «По своей собственной воле сейчас принялся за ремонт телефонов. Дело не сложное, но мне захотелось куда-нибудь приложить руки». Описывает и огородик, до которого не доходят руки: «Картошка утопает в высокой траве... Я думал, что на нашем огороде ничего не взойдет, оказывается, ошибся. Взшло очень хорошо, и если бы создать настоящий уход, урожай был бы хороший».

В середине августа Александра направили в командировку по заготовке дров для части, а в воскресенье ходили на работы в соседний колхоз. Работа там очень понравилась, кормили по три раза в день и здесь, впервые за время нахождения на Дальнем Востоке, он попробовал мёд.

В августе 1942 года Александр Павлов был назначен командиром взвода в 87-й запасной стрелковый полк 37 запасной стрелковой бригады 2 КА ДВФ, дислоцированный на станции Шимановская.

В августе 1942 года Женю Павлова призывают в армию. Последние пол года перед призывом в армию, Женя описал в 16 строк на обложке общей тетради (приводится целиком):

“31/III – бронепоезд “Свердловский железнодорожник”, кроме этого бронепоезда видел: “Сибиряк барабинец”, “Омский железнодорожник”, “Москвич” и один безымянный, “Истребитель фашизма”.

31/III-42 г. - первая “вылазка” в паровозную будку машиниста на паровоз малой мощности серии Нп/у 9045 (с перегревом пара и усиленной нагрузкой на ось паровоза)

16/01-42 г. начало курсов, 22/IV-42г. конец курсов. Начальник курсов Сергей Иванович Захаров.

1/V – начал работать.

“Щорс”, “Котовский”

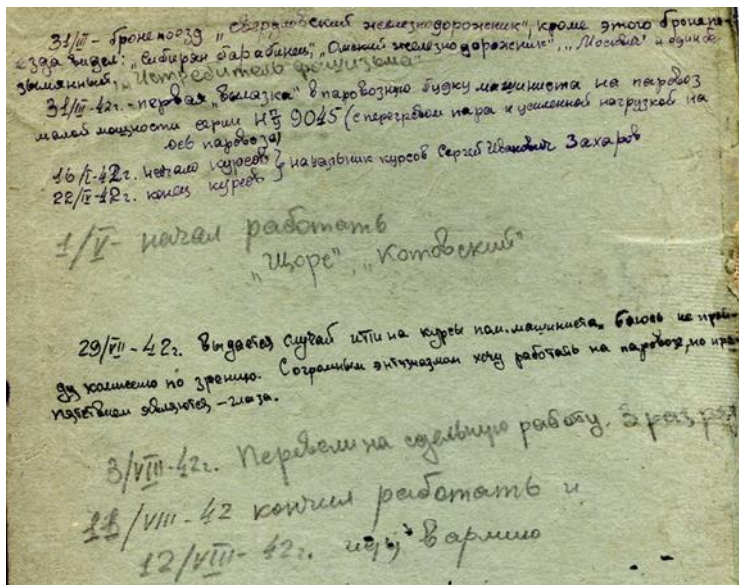
29/VII-42г. выдается случай итти на курсы пом.машиниста. Боюсь не

пройду комиссию по зрению. С огромным энтузиазмом хочу работать на паровозе, но препятствием являются – глаза.

3/VIII-42 г. Перевели на сдельную работу. 3 разряд.

11/VIII-42 г. кончил работать и

12/VIII-42 г. иду в армию”.

Дневничок Евгения Андреевича Павлова. Автограф. 1941 г.

Явившись в Таганский военкомат Женя вместе с другими призывниками отправился на трамвае на Каланчовскую площадь, на которой находился городской военкомат. Из горвоенкомата ребят направили в разные пересылочные пункты. Женя

оказался на станции Чкаловская (Ярославское направление, Щелково-3). Здесь призывников поселили в здании церкви, кормили два раза в день: суп и каша. Еды не хватало и с наступлением темноты призывники выходили на рядом расположенное поле и приносили капустных кочанов, кто сколько мог. Набивали животы капустой, но голод это сильно не утоляло.

Со станции Чкаловская Женю отправили в г. Киров (областной) на учебные курсы. Из Кирова Женя написал первое письмо домой: «Пишу с места. В дороге писать некогда было: то ехали ночью и проехали города Александров, Шуя; днем в Коврове стояли три минуты. В Горьком приехали, нас отцепили от этого эшелона, прицепили к другому, и, пообедав, отправились дальше. Все это заняло пятнадцать минут.

Город Киров хорошенький городишко. Многие улицы асфальтированы... Есть хорошие дома. В общем он произвел лучшее впечатление, чем Горький, или же от того, что в Горьком мы были в рабочем квартале, а в самом центре не были». В Кирове маскировки не было, вечером в городе на улицах горели огни. Коммерческих магазинов нет».

В училище новобранцы проходили комиссию, и кто был годен для обучения на средний комсостав, того оставили. Женя комиссию не прошел по зрению, также не прошли комиссию ещё несколько человек. Всех их назначили в полк для обучения на младший комсостав.

Из промежуточного лагеря новобранцев никуда не выпускали, поэтому деньги тратить было не куда. Женя рассчитывал, что если ему понадобятся деньги, то он продаст что-нибудь из гражданского тряпья за порядочные деньги, всё равно она скоро будет не нужна.

После обмундирования (19 августа) Женю отправили в лагерь в шести

километрах от города Киров. Лагерь расположен в маленьком лесочке на берегу реки Вятки. Река Вятка такой же ширины, как Москва-река. В целом местность понравилась, красивая. Новобранцы жили в брезентовых палатках. Ребята в потоке были, в основном, местные – из Кирова и Кировской области, много из сельской местности. Жене они очень понравились.

Подъем в лагере был в пять часов утра, отбой - в десять часов вечера. Обучение в лагере началось со строевой подготовки и изучения материальной части винтовки. На занятия ходили с песнями, а если кто не хочет петь – беги бегом. В конце августа у предыдущего «потока», который отучился уже 3-4 месяца, проходили маневры, за которыми наблюдали новобранцы, готовясь к будущим испытаниям, а у Жени состоялась первая огневая подготовка: из трех патронов попал одним. Это плохо. Занятия проходили «плотные», времени написать письмо не оставалось. Можно было написать его во время завтрака, обеда или ужина, но всё равно не допишешь, поэтому он ждал выходных дней. Письма из дома Женя получал довольно часто, в некоторые недели чуть ли не каждый день.

Кормёжка в лагере понравилась, кормили сытно. По воскресениям из лагеря давали увольнительные, но идти особенно некуда, а плестись в город по жаре не хотелось. Однако ночи уже были холодные, и вечером приходилось одевать шинель. В скором времени планировалось перебраться в землянки. Три раза в неделю в лагере показывают кино. Информация о том, что творится на фронте, поступала очень скудная, в основном в виде слухов.

Наличные средства, двести рублей, взятых дома, особенно тратить было некуда, если только во время занятий мимо не пройдет молочница, у которой пол литра молока можно взять за пятнадцать рублей, да купить у какого-нибудь бойца пайку хлеба за обедом за те же пятнадцать рублей.

В начале сентября потоку начали устраивать учебные тревоги. Первая была во время обеда: не успели поесть первое, как надо было бежать за винтовкой и затем на условную боевую позицию, выкопать себе окоп глубиной около метра. В этот же день ночью снова была учебная тревога. Первые учебные тревоги вывели Евгения из колеи, и письмо, написанное домой на следующий день, было ошибочно датировано августом.

После стрельб Евгения определили в снайперскую роту (это с дефектом то зрения!). Но учеба здесь нравилась.

Уже в середине сентября стало холодно, наступила настоящая осень, и Женя сетует, что нет варежек, а купить их можно рублей за двадцать пять, но их тоже уже нет. Поэтому он обращается за помощью родителям прислать рублей двести, не больше, если сами несильно нуждаются. Просьбу же мамы, сфотографироваться в военной форме, выполнить не может, так как почти не выпускают из лагеря. Как попадет в город, так снимется.

В город попал через неделю, 15 сентября, «случайно»: хор, в который входил Евгений, занял в лагере первое место и его направили на полковой конкурс, который проходил в городе Кирове. Но сбегать сфотографироваться тоже не удалось, так как по городу шли строем. В хоре из инструментов был только баян, а остальное – котелки, фляги, лопаты и расчески.

18 сентября перебрались в землянки. К этому времени стало совсем холодно и пошли дожди. Землянки были большие, человек на двести, но жило в них сто человек. С этого времени для Евгения началась гарнизонная наряды по охране подступов к лагерю. До этого он был только два раза в наряде на кухне, чистил картошку, морковь, свеклу, рыбу.

Весной 1942 г. Александра Андреевна Лаврёнова поехала посмотреть, что случилось с домом в Томилино. Часть ведомственного дома (МПС) уже была занята красноармейцами, восстанавливающими здоровье после ранения и лечения в госпитале.

В Томилино Шура прожила лето и осень. Время от времени к ней приезжала сестра Нюра (Анна) с детьми, родители. В сентябре ходили в лес за грибами, приносили их несколько ведер, а кроме того сумки с рябиной, по вязанке дров. В конце сентября выкопала картошку и другие овощи с собственного небольшого огорода. Огородик этот приходилось ночами караулить, так как они разворовывались. Уставали очень сильно.

Где-то в это время Валю-младшего начали отводить в детский садик. Его тётя - Анна Андреевна, придя однажды забирать его из садика застала такую картину: все дети сидели на скамейке и ревели, и громче всех ревел Валя, а воспитательница сидела за роялем и играла какую-то музыку.

Александра Андреевна Лаврёнова. Июнь 1942 г.

В комнате Шура перевесила все фотографии и картинки: над диваном повесила портрет Колиной матери, три открытки и длинные картинки, которые висели над Ритиной кроваткой, между окон вставила в рамку, и там же повесила карточку, которую карандашом нарисовал Саня – Шуру и Колю, а также две открытки, над Ритиной кроваткой повесила её картинку и гитару, на стенку поместила фотографию свою с Женей. Такую же фотографию отправила Жене.

Женя Павлов и Шура Лаврёнова. 1942г.

Соседи Шуры по коммуналке – тётя Наташа и дядя Юра были люди хорошие, с ними Шура дружила потом всю жизнь. Дядю Юру Валя боялся потому, что тот называл его «мужчина».

По окончании училища Николай Васильевич Грачёв в 1942 г. был призван в армию. Он был направлен в учебный лагерь в Сибири, после чего он воевал под Гродно, на Кавказе.

После Кирова Евгения Павлова отправили в город Зеленодольск под Казанью. Переезд был через Москву, и Жене удалось повидаться с родными. 8 октября в 3-40 дня поезд отправился из Москвы в сторону Казани. В Казань приехали 10 октября утром. По дороге покупали хлеб, пироги с картошкой, молоко, лук, морковь. Казань очень понравилась Евгению, город хороший, большой, на улицах чисто, почти все улицы заасфальтированы, ходят трамваи.

По прибытии в Казань всех ребят направили в городской военкомат, где Евгений был зачислен в 8-ю отдельную лыжную бригаду. Бригада была уже наполовину сформирована и красноармейцев сразу распределили по ротам и направили в лагерь. Лагерь располагался в 8 км от Казани, в осиновом лесочке. В лагере вновь прибывшие снова проходили комиссию, которая отчислила Евгения по зрению – в лыжники не годился. После комиссии из старых товарищей с ним никто не остался, всё новые, в основном местные жители – татары.

В конце концов Евгения определили в роту саперов. Первое время в землянках не было света, так как электричество не провели. На праздник 7 ноября Женю, как отличника учебы, поставили в праздничный наряд. В конце ноября снег уже лежал на полях и ребят начали обучать хождению на лыжах и, одновременно, саперному делу, в основном, подрывному. Мастерство оттачивали на деревьях – осинах и березах. Подорванные деревья использовались для обогрева землянок. С наступлением холодов выдали зимнее обмундирование: шлем (шапку-ушанку), ватную тужурку (телогрейку), ватные штаны, валенки, теплые портянки, носки, варежки.

С установлением снежного покрова стали часто ходить в походы, которые казались интересными, иногда даже ночевали в лесу.

В октябре 1942 года стали разрешать направлять военнослужащим по почте посылки до пяти килограмм. Женя просит родителей, если это им необременительно, прислать посылку, или сто рублей. Просьбу настойчиво повторял в нескольких письмах подряд, в результате в конце ноября получил и сто рублей, а на мамины именины, 6 декабря, ещё и посылку. Так что именины удалось справить почти по-московски. Посылки оставляли в комнате (на складе) у старшины. На присланные деньги Женя купил килограмм хлеба за шестьдесят рублей, а сорок рублей оставил на потом.

Матушка, Екатерина Михайловна, узнав, что Женя находится в Казани, наказала ему навестить племянника Андрея Меркуловича - Василия Александровича Павлова, который находился в этом городе эвакуации вместе со своим заводом. Но в город попасть Евгению возможности не было. Один только раз по служебным делам, когда получали противогазы для роты, он оказался в Казани.

Письма Евгений получал регулярно только от мамы и сестры Шуры,

поэтому редким письмам от Толи Почтарёва и Риточки Лаврёновой был очень рад; забавно было в землянке разглядывать детские каракули.

В октябре Александр Павлов пишет домой, что удовлетворён тем, что в это трудное время семья сплотилась и все оказывают помощь друг другу.

Взамен старого чемодана, который Александр взял из Москвы, он купил себе новый, побольше, за сто рублей. Вещей стало больше и в старый чемодан уже всё не вмещалось. И книг уже – целая библиотека. А вот с бумагой – плохо. На занятиях конспекты писали в тетрадах, сшитых из газет!

В ноябре Александру удалось сходить на выступление Хабаровского цирка. Концерт оказался «очень развлекательный, как московский». «В свободные вечера с ребятами устраиваем всевозможнейшие интересные разговоры, которые оставляют приятное впечатление».

С декабря Александр начал вести для группы комсомольцев занятия по изучению книги «Краткий курс истории ВКП(б)». Кроме того, на занятиях изучали приказ тов. Сталина № 345 (о 25 годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции, итогах года Великой Отечественной войны и положении на фронтах) и доклад 6 ноября. «Такая работа очень хорошо развивает».

Александр заранее беспокоится: «К Новому году я вышлю Почтарёвым 300 р. на ребят. Очень прошу, чтобы не последовало той реакции, которая была в мае. У меня денег хватает. Я, конечно, всегда высылаю не в ущерб для себя».

Своё 21-летие Александр встретил буднично, это уже третий день рождения, встречаемый в будничной обстановке на Дальнем Востоке. День этот был морозный, -30° . После завтрака он занимался тактической подготовкой на улице, среди сопок. Чтобы согреться пришлось сделать небольшой «бросочек». После обеда – двухчасовой перерыв. Товарищи занимались кто чем хочет. Кто лежал на койке, кто играл в шахматы. Александр – чемпион по шахматам среди товарищей. Недавно обыграл своего капитана: три победы в четырёх играх. После обеда – один час занятия штыковым боем и рабочий день на этом закончился. А вечером, после ужина, в поселковом клубе железнодорожников просмотр фильма «Парень из нашего города». Культурную программу Александр отрабатывал по полной программе: 4 декабря ходил на концерт московских артистов эстрады под руководством Аллы Смирновой, а накануне дня рождения – смотрел фильм «Чапаев».

Перед Новым годом температура воздуха снизилась до -40° . Ходили на стрельбище. Александр взвалил на себя станину пулемёта и три километра нёс её, вспотел, и даже рукавицы снял. Физической работой не брезговал, а на морозе считал её вдвойне полезной. Стрелял из винтовки хорошо, попал все три выстрела. Помогли очки товарища, которые он взял с собой. Стрельба из пулемёта не получилась.

В декабре 1942 г. Толя Почтарев получает открытку от отца:

«Здравствуй дорогой Анатолий. Поздравляю тебя с Новым годом и с новыми успехами в твоей учебе. Толя, что же ты мне не пишешь как ты учишься в этом году, хорошо или плохо. Толя, с кем гуляешь на улице, с каким товарищем, что делает Толька Орлов и Борис Серов. Затем до свидания. Жду ответа, папа. Пиши что есть у вас во дворе новенького. 25.12.1942 г.». Адрес получателя: Москва, 29. Б.Угрешская ул., д. 14. к. 3. Почтареву Анатолию Матвеевичу", адрес отправителя: "г.Тюмень. ул. Шестина, 12. Почтареву М.Ф.".

Видимо, Матвей Федорович получил ответ на это письмо и отвечает так: «Дорогой сыночек Толя. Я очень рад, что ты мне сообщил что делается у вас на дворе и кого посадили. Толя, я тебя прошу, отходи от всех от таких товарищей подальше. Лучше ходи в библиотеку и читай книги, но с товарищами не видься. Толя, слушай

(слушай) маму и помогай маме с ребятами ... (одно слово неразборчиво-ПВ) они меньше тебя. Толя, если тебе нужно денег на чтонибудь, ты мне напиши, я пришлю тебе. Затем до свидания.» Письмо написано на тетрадном листке в линейку, дата отсутствует. Тематически письмо связано с письмом от 25.12.1942 г. Упоминание о том, что кого-то посадили, может относиться к одному из тех, о ком персонально спрашивал Матвей Федорович в своем письме. Несмотря на отрыв от семьи, вызванный войной, Матвей продолжает проводить воспитательную работу в семье, особенно сильно переживая за то, с какой компанией водятся дети, всячески отваживая их от хулиганов. По возможности высылал семье деньги, в декабре 1942 г. прислал две тысячи рублей.

Новый, 1943 год Александр встретил в командировке, в которую отправился 28 декабря, а вернулся из неё 4 января. Многие товарищи Александра переводились на Запад, на фронт, а его пока не направляли. Своего товарища Болдышевского, если путь его будет пролегать через Москву, он просил заехать к нему домой и рассказать родителям об их жизни и службе. Родителей же просил принять его и обеспечить питанием и кровом.

Работы, как всегда, очень много. Работа с восьми утра до девяти часов вечера. Потом Александр уходил на частную квартиру в посёлке, которую занимал вместе с двумя своими сослуживцами. В комнате же Александр жил один. По стенам комнаты развесил карты, портреты вождей, полководцев и

писателей. В свободное время часто ходил в кино, художественную литературу читал урывками.

По характеру своей службы Александру очень много приходилось читать лекций, политинформаций, докладов. К предстоящему дню РККА он подготовил доклад о 25-летней годовщине Красной Армии.

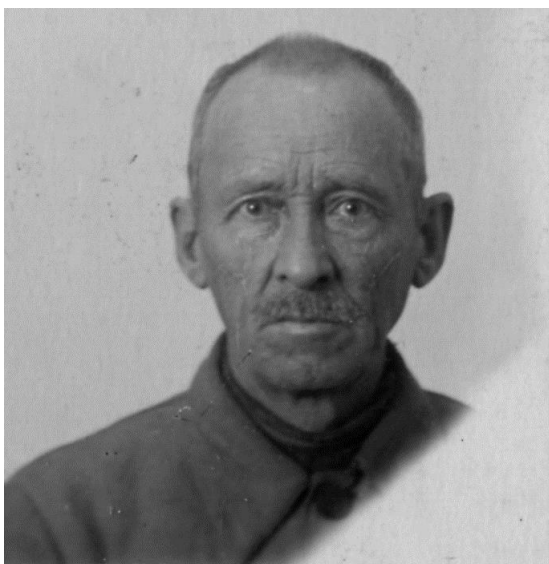
В феврале всем военнослужащим выдали погоны. «Становлюсь высокоавторитетным советским офицером. Погоны очень заметно придают нам подтянутость». К лету Александр запланировал перешить свои шинель и гимнастёрки на новые образцы, соответствующие погонам.

В начале января 1943 года бригаду, в которой служил Женя погрузили в эшелоны и направили на Запад. Проезжали через Москву и эшелон остановился на станции Угрешская. Женя, найдя две копейки у товарищей, отправился к телефонной будке и позвонил отцу, Андрею Меркуловичу на работу. Отец сказал, что не сможет сам придти, но сообщит маме и сестрам – они обязательно придут. Женя сидел в эшелоне и ждал родных, как вдруг к составу прицепили паровоз и перегнали на товарную станцию Андроновская (Андроновка - ПВ).

К счастью, некоторые солдаты отлучились и сержантов отправили на их поиски. Среди них был один сержант, который видел фотографии родных Жени и, узнав их на станции спросил: "Вы, случайно, не Павловы?". Те сказали, что да и тогда он направил их на новую станцию. Так состоялось случайное свидание Жени со своими родными. Уходя, они сказали, что завтра придет и папа, а сестра Шура сунула Жене в карман маленький листочек бумажки сказав, что это молитва, которая будет оберегать его.

Неожиданно к эшелону подогнали состав-баню. В течении одного часа всех солдат пропустили через неё, накормили, подцепили к составу паровоз и повезли в сторону фронта.

Андрей Меркулович узнав, что Екатерина Михайловна, Анна и Шура виделись с Женей, не захотел ждать утра и вечером они вместе снова отправились на станцию Андроновка, но состава на ней уже не было. Андрей Меркулович остановился, заплакал и сказал, что Женю он больше никогда не увидит. Андрей Меркулович в это время сильно болел (ишемическая болезнь сердца), в 1942 году он проболел три месяца (март, октябрь, декабрь) и после декабря на работу уже не выходил. После несостоявшейся встречи с Женей он слёг. Примерно через месяц, 08.02.1943 г. Андрей Меркулович умер (паралич сердца). В эту роковую минуту Екатерина Михайловна накапывала ему из пузырька в стакан лекарство стоя перед фитильком лампадки, так как в комнате было темно по случаю ночного отключения света. Андрей Меркулович лежал на сундуке. Потом вдруг приподнялся, вздохнул и обмяк. Сосед, заглянувший на суету и возбужденные голоса, спросил: «Ногой дернул?» - «Дернул», сказала Екатерина Михайловна. «Тогда всё».

Андрей Меркулович Павлов.
1942 г.

Екатерина Михайловна бросилась на Угрешскую улицу, где с племянниками ночевала дочь Александра в те ночи, когда Анна Андреевна дежурила на вахте. Все родственники собрались в доме в Колбасном переулке.

Андрея Меркуловича похоронили на Калитниковском кладбище.

Александр узнал о смерти папы 3 марта. «По вашим письмам я заключил ранее, что его кончина неизбежна, но такой быстрой развязки я не ожидал... Как вы, так и я особенно мало верю, что его уже у нас нет. Я знаю, что он любил

меня с детства и до последнего дня ухаживал за мной, проявляя заботу сверх меры и беспокоясь о всяких мелочах... Наше горе отягчается ещё и тем, что мы разделены многими тысячами километров... Очень обидно, что ни один сын не проводил его в последний путь... Я рад, что Василий и Матвей и вся родня с должной заботой и скорбью реагировали на смерть отца... Сразу после нерадостного известия... послал вам две телеграммы и выслал 1000 рублей».

Когда Андрей Меркулович заболел, его дочь Шура с детьми переехали в комнату в Колбасном переулке, чтобы помогать матери в уходе за отцом. Здесь они и прожили до конца войны.

№ кв.	Наименование задания	Код экз.	п	Дата	Исполнитель
56	Трун. пр.	1	1	1	Трун. пр.
57	Страхов	1	1	1	Страхов
57	Учител.	1	1	1	Учител.
57	Стуч.	1	1	1	Стуч.
58	Трун.	1	1	1	Трун.
58	Известие	1	1	1	Известие
59	Страхов	1	1	1	Страхов
59	Известие	1	1	1	Известие

1852
Москва Колбасный пер. ДСМ 4 кв 5
ШИМАНОВСКОЙ АМ 75 19 3 510- ПАВЛОВСКОЙ 3 № 1
МАМА С ПЛУБСКИМ ПРИСКОРБИЕМ УЗНАЛ О СМЕРТИ ПАНЫ АЛКСАНДРА
9 м. 9 м. 9 м.

Похороны Андрея Меркуловича Павлова на Калитниковском кладбище 10.02.1943г. Слева направо. Нижний ряд: Толя Почтарев, Тоня Почтарева, Рита Лаврёнова, Валя Почтарев. Средний ряд: соседка (?), (?), Анна Андреевна Почтарева, за ней — Вера Васильевна Сайкина, Александра Андреевна Лаврёнова, Михаил Иванович Коровин (Минька), Екатерина Михайловна Павлова (вдова), Таня (соседка), Мария Матвеевна Коровина («мачеха»), Михаил Иванович Коровин, Федор Сергеевич Почтарев. Верхний ряд: сослуживица Андрея Меркуловича, Мария Дмитриевна Кирюхина (Зайцева), Александра Михайловна Сайкина, Чиненова.

Ещё через месяц, в марте 1943 года в Москве умирает от водянки жена Ивана Михайловича Коровина — Мария Ивановна.

В 1943 году умирает и Мария Матвеевна Коровина («мачеха») — вторая жена Михаила Ивановича Коровина. Точная дата, причина смерти и место захоронения её неизвестны.

*Мария Матвеевна
Коровина*

*Михаил Иванович
Коровин. 31.12.1942*